

М. А. Поляковская

ФРАКИЙСКИЙ ДНЕВНИК МОЛОДОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА
(август — сентябрь 1346 г.)

Византийское письмо имеет множество жанров — от энкомия, псогоса или полемического мини-трактата до заурядного риторического упражнения. Исследователи обычно выделяют особо письма, содержащие информацию о каких-либо важных событиях эпохи. Письма сугубо личного плана причисляют зачастую к третьеразрядным. Преимущественно это относится к письмам, далеким от конкретных событий. А поскольку информативность византийского письма предельно низка, эпистолярное наследие Византии в основной своей массе остается лишь иллюстрацией уровня развития высокой риторики.

Среди жанров византийских эпистул можно выделить один, не привлечший еще достаточного внимания. Речь идет о письме-дневнике. Для характеристики развития общественных процессов этого рода письмо, окрашенное сиюминутным настроением автора, не имеет принципиального значения. Однако, эпоху представляют прежде всего люди, а их внутреннее состояние и поведение, переплетаясь в тысячах судеб, составляет то, что мы называем духом эпохи.

Письмо-дневник нельзя счесть распространенным жанром византийской эпистолографии. Как известно, по канонам византийской риторики, автор письма, напротив, старался приблизиться к трафарету, позволяющему не называть вещи своими именами и несколько поэтизированно скрыть свое "я". Мастерство ратора ценилось по умению облечь предмет обсуждения в многослойные вуали иносказания. Откровения, высказываемые даже в отношении самого себя, не так уж часты в византийской эпистолографии.

Четыре письма молодого Димитрия Кидониса, позднее известного как крупного политического деятеля и ученого, написанные им в течение августа—сентября 1346 г., связаны не только датой и местом отправления, но и настроением автора¹. Их можно счесть дневниковыми записями, получившими вид письма. Одно из этих писем (от 2.IX.1346 г.) не имеет адреса, другие адресованы Иоанну Кантакузину, находившемуся, по всей вероятности, в Селимврии (№ 10), его сыну деспоту Мануилу в Веррию (№ 18), и монаху Исидору, будущему патриарху, в Константинополь (№ 43)².

Димитрию Кидонису в момент написания названных писем было 22 года. Адресаты были для него довольно близкими людьми. Он вошел к этому времени в окружение Иоанна Кантакузина и имел возможность убедиться в его явной

© М.А. Поляковская, 1998

¹ Первым на это обратил внимание Ф. Тиннефельд, что дало ему возможность уточнить датировку писем № 10, 18, 43. См.: *Demetrios Kydones. Briefe / Übersetzt und erläutert von F. Tinnfeld. Stuttgart, 1981, 1982, 1991. T. 1. HBd. I. S. 144, 155, 163.*

² *Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.J. Loenertz // Studi e Testi, 186, 208. Città del Vaticano, 1956.*
1—2. Здесь и далее ссылки на это издание писем будут даваться в тексте.

благосклонности. С Мануилом Дмитрий поддерживал дружеские и вместе с тем почтительные отношения. Исидор был его прежним учителем. Четвертое письмо, судя по его тону, предназначалось очень близкому другу или, возможно, самому себе.

Все четыре письма написаны в маленьком фракийском городке, названия которого мы не знаем. Во Фракию из Веррии, резиденции Мануила Кантакузина, Дмитрий Кидонис приехал еще зимой для встречи с Иоанном Кантакузином. В упомянутом же фракийском городке он оказался позднее и жил там, оторванный от коллег, друзей и семьи. Кидонис подчеркивал, что он оказался здесь "по необходимости", нам неизвестной (№ 10.25—26; № 18.1—7).

Собственно дневником из четырех указанных писем может быть названо письмо без адреса (№ 5). Возможно, оно и замышлялось автором как письмо "для себя". Внешне письмо отличается от обычной эпистулы. Оно разделено на отдельные части (всего их четырнадцать). Объем письма превышает среднюю норму: оно имеет 172 строки.

Словесное обрамление письма типично дневниковое. Описание прожитого дня Дмитрий Кидонис начинает со своего пробуждения: "Вчера я поднялся с постели до восхода солнца и начал с прогулки. Я привык постоянно вставать в это время и приводить тело в движение..." (№ 5.4—5). Далее он ведет читателя от события к событию, от встречи к встрече и заканчивает своим отхождением ко сну: "...когда я это обдумывал, был уже вечер, и пришел обычный приступ лихорадки. Я погрелся немного у огня и пошел спать, поскольку больше уже не мог писать: моя рука перестала действовать" (Там же. 169—171).

Другие из названных писем настолько тесно связаны с письмом без адреса общими сюжетами, мыслями, состоянием духа, болезнью автора, что их в комплексе можно условно назвать "фракийским дневником" Дмитрия Кидониса.

Письма августа—сентября 1346 г. объединяет неприязненное отношение автора к месту его пребывания. Этот городок "в глубине Фракии, в бездне" (№ 5.36—37) вызывает раздражение молодого Кидониса "убожеством местности и ее климата" (№ 10.16). Он сравнивает свое пребывание во Фракии с наказанием в аду (№ 43.17—18).

Самое острое чувство, которым пронизаны фракийские письма Кидониса, это одиночество. Он страдает от разлуки с родной Фессалоникой, своей семьей и друзьями. Семье посвящено немало теплых слов в этих письмах (№ 5.34—35; 94—95; № 43.11—13). В письме к Исидору Дмитрий написал: "Воспоминания о матери, сестрах и брате я ношу в моем сердце, как тлеющий огонь" (№ 43.23—24).

Вынужденно покинув родной город, Дмитрий Кидонис особенно отчетливо осознал его место в своей жизни. Он написал в письме без адреса, что раньше он не верил тем, кто утверждал, "что только родной земли ему достаточно для счастья" (№ 5.11—12).

Друзья, их участие в его судьбе, их признание и общение с ними вспоминаются пребывающим во фракийском "изгнании" Кидонисом постоянно. Он пишет: "За какую награду я променял бы свое сегодняшнее окружение на них!" (№ 5.32—33). Воспоминания об "ученой дружбе" заставляли его обратиться в мыслях к прежним литературным штудиям и общению с "друзьями прекрасного" (Там же. 34—35).

Письма Иоанну Кантакузину, деспоту Мануилу и Исидору наполнены просьбами о дружеском участии, которое, как лекарство, было необходимо ему в его

вынужденном одиночестве. Иоанна Кантакузина, находившегося в это время в пределах Фракии, он просит о приезде (№ 10.24), монаха Исидора — о молитве за него (№ 43.4—6; 32—33). В письме к Мануилу Кантакузину Димитрий вспоминает, как тот дружески отговаривал его ехать во Фракию: "Действительно, ты был Колхантом и знал, что здесь случится со мной, более точно, чем какой-нибудь предсказатель. Я ведь еще помню ту ночь и твои предостережения, которыми ты пытался меня удержать..." (№ 18.4—6). Нуждаясь в сочувствии, Кидонис написал Мануилу: "Твой голос значит для меня больше, чем божественный напиток, больше, чем лотос Гомера. Поскольку он так далек от меня, сладкое мне не сладко, неприятности еще тяжелее. Так почему ты не посылаешь мне сладкую гармонию твоей речи...?" (Там же. 10—12). Разумеется, Кидонис понимал, что все его мольбы о дружеском письме или другом проявлении участия были не более, как обычным риторическим приемом, которым украшалось любое "письмо изда-лека", однако реальное содержание его посланий свидетельствует о том, что он действительно нуждался в поддержке.

Когда Димитрий Кидонис сетует по поводу одиночества и изгнания, он имеет в виду не только осенние дни 1346 г. Дело в том, что ему пришлось покинуть родную Фессалонику, охваченную зилотским движением, еще весной 1346 г. В связи с этим контакты с родными были утрачены именно тогда. Фракийское одиночество выросло не просто из неуютного чувства пребывания в местечке, где нет знакомых, где плохой климат, унылый пейзаж, грязные глинистые неухоженные улицы. Оно тянулось от майских дней 1345 г. (№ 5.36—37). Письма фракийского цикла прямо сообщают об этом: "И вот уже второй год, как я, плача, тоскую по матери, и она, в слезах о случившемся, еще более оплакивает мое отсутствие — и еще живые, мы, кажется, переживаем судьбу мертвых. Наши сестры и брат также не могут узнать, как у нас идут дела..." (№ 43.10—14; № 5.33—34). В дни, когда писались письма из Фракии, исполнялась печальная годовщина драматических для Кидониса, Фессалоники и империи событий — "августовской резни" 1345 г., бывшей пиком жестокости зилотского восстания. Эта дата делала боль за родной город еще острее.

Димитрий Кидонис сообщает в письме без адреса, что у него ежедневно перед глазами враги, которые расправлялись с его родными (№ 5.95—96). Следя за развитием событий в Фессалонике, Кидонис пишет и о внешних врагах (сербях)³, осаждающих город, и о части горожан, ждущих их прихода (№ 43.15—17).

Если обычно в византийской риторике общественные эксцессы приводят к ассоциативному литературному образу корабля в бурном море⁴, то во фракийском цикле писем, напротив, трагедия семьи и родного города напоминают автору его недавнее морское путешествие. Кидонис сообщал о нем еще зимой 1346 г., т.е. тогда, когда оно было совершено (№ 19). Кидонис описал деспоту Мануилу эту поездку из Веррии, где они распрощались, во Фракию. В письме он упоминает о морских волнах, стремившихся поглотить корабль, о нападении пиратов, о скалах, на которые его вместе со спутниками чуть было не выбросила волна (Там же. 8—12). Захватывающие дух недавние впечатления от пережитого на море

³ См. комментарий Ф. Тиннефельда по этому поводу: *Demetrios Kydones. Briefe*. S. 157.

⁴ *Каждан А. П. "Корабль в бурном море": К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 3—15.*

вызывали обратную ассоциацию с отчим домом, пережившим трагедию во время восстания: "Тот счастливый дом, который многим оказывал гостеприимство и радушие, как корабль, погиб в высоких волнах в шторм" (№ 43.8—9). В этом же письме, адресованном монаху Исидору, Кидонис опять вспоминает о своем страшном морском путешествии с его рифами и пиратами, которых было не меньше, чем волн (Там же. 18—21).

В ощущениях Кидониса его собственные беды слились с общей трагедией страны. Он обращается к своему прежнему учителю: "Объясни мне, откуда взялся этот потоп, который все затопил, и что могут сделать люди, чтобы восстать из этого" (Там же. 30—31). Примерно та же мысль звучит и в письме Мануилу: "...куда нужно пойти, чтобы пройти мимо сирен?" (№ 18.9—10).

Отраженное в письмах тревожное состояние души отягощалось постоянно упоминаемой автором болезнью, которую он сравнивает с огнем, тлеющим внутри него (№ 5.15—17). Димитрий Кидонис написал Кантакузину об этой болезни, которая вспыхнула сразу же после того, как он с проскинезой попрощался с адресатом и отправился в путь: "...голова горела лихорадкой, гармония тела нарушилась, я вскрикивал от каждого прикосновения" (№ 10.10—15). Кидонис написал в письме без адреса о постоянном головокружении, внезапно наступающей слабости и страшных головных болях. Он заметил в письме-дневнике, что болезнь еще более усугубляла его несчастья (№ 5.40). Судя по контексту фракийских писем, создается впечатление, что болезнь Кидониса была производной от всех его бед.

Описываемый Кидонисом в дневниковых записях день — 2 сентября 1346 г. — был праздничным, новогодним. Димитрий вспоминал, что обычно в этот день открыты все храмы, возносятся молитвы: одни просят о счастье, другие — о свободе от угнетателей, третьи молятся о здоровье, другие — о благополучии в военных и мирных делах, о хорошей погоде, об урожае (№ 5.19—22).

Воспоминания о прежних новогодних праздниках приводят Кидониса мысленно в его родную Фессалонику: "Сейчас город стоит под знаком празднества и жертвенного служения богу; сейчас храмы полны молящихся; дома полны людей, которые желают друг другу счастья и согласия. В курии вместе собираются сенаторы, в места муз — воспитатели. Наши соученики снова собираются вокруг учителей и радуются, видя друг друга" (№ 5.25—28).

Первый день нового года издавна считался особым: в нем угадывались черты предстоящего года. Димитрий Кидонис написал в дневнике: "Вообще все считают этот день предзнаменованием будущего" (Там же. 23).

Новогодние впечатления, пережитые Кидонисом во фракийском городке, составляют контраст к его радужным воспоминаниям о праздничной Фессалонике. Он подробно описывает свои случайные встречи с незнакомыми ему доселе людьми. Усмотрев в этих встречах печальные предзнаменования, Димитрий Кидонис посвящает каждой из них специальный раздел в своем описании. Девятый и десятый разделы дневника посвящены первой утренней встрече с нищим, почти нагим, который из-за болезни ног с трудом передвигался с помощью деревяшек. Он поведал Кидонису, сколь тяжелой была его жизнь, как его разорила болезнь и врачи, как он вынужден, чтобы прокормить семью, следующую за ним, брести в более теплые края. Кидонис написал в дневнике: "это событие стало для меня словно прологом дня" (Там же. 31).

Следующее впечатление нового утра было не менее тягостным. Некий человек, переходящий вброд уличную грязь, был сбит телегой, влекомой быками, и почти насмерть раздавлен колесами. В описании Кидониса эта страшная уличная сцена сопровождалась страшными криками, заглушаемыми плачем жены пострадавшего (№ 5, раздел 11). Кидонис написал: "...с этим я пережил второе несчастье в этот день" (Там же. 139).

"Поздним утром я увидел, что какие-то люди с криком вторглись в один из домов", — пишет далее Кидонис (Там же. 140). Они схватили прятавшегося под кроватью человека, крича ему о процентах, просроченных за месяц и деньгах. При этом схваченный — красивый длиннородый мужчина — просил об отсрочке, а его жена проклинала тех, кто с ним так груб. Должника уволокли к судье (Там же. раздел 12).

После этого Кидонис спустился по улице вниз, к рынку, и увидел там рыдающую до иступления женщину, у которой какой-то варвар утащил в рабство ее мужа (Там же. 151—154). Следующее описанное Кидонисом новогоднее впечатление — встреча с похоронной процессией: хоронили человека "в лучших годах", убитые горем старики-родители следовали за гробом (Там же. 154—157).

Димитрий Кидонис завершает это горестное новогоднее эссе описанием увиденной им полуразрушенной церкви, пострадавшей от пожара. Как предпологает автор записей, раньше эта церковь блистала своим великолепием, многочисленными росписями, устремленными ввысь и богато украшенными колоннами. Сейчас же сквозь разрушенную кровлю проникал свет извне (Там же. 158—162). Образ разрушенной церкви воспринимается как символ несчастий автора дневника, его современников и всей империи.

Прожитые в одиночестве дни, когда мысль хранила только печальные образы, обратили Димитрия Кидониса к раздумьям о смысле человеческой жизни. Разделив земной путь человека на три этапа — детство, зрелые годы и старость, Кидонис заметил, что в нашем начале мы все хорошие люди. Однако, будучи еще ребенком, человек ограничен в своих поступках и настроениях строгостью родителей и педагогов. В зрелые годы приходит необходимость заботиться о карьере и о деньгах, т.е. о том, что позднее покажется не более, чем мифом. В это время человек имеет много притязаний — он хочет появляться в хорошем окружении, в одежде стремится не быть похожим на толпу. Этот период жизни сопровождается безрассудными эротическими желаниями, напоминающими вспышки, против которых позднее восстает разум (Там же, разделы 4—7). "Но однажды появляются седые волосы..., изменяется кожа, изменяется тело, вкрадывается дрожь и духовный упадок", — так описывает молодой Кидонис наступившую старость (Там же. 54—56). Сейчас, как и в детстве, человек во всем ограничен, а если он захочет о чем-то из прожитого поведать, то при этом рискует быть названным "старым болтуном" (Там же. 58—59). Такой видится Кидонису человеческая жизнь в преддверии его собственной зрелости.

Страницы фракийского дневника Димитрия Кидониса позволяют понять растерянность перед жизнью молодого образованного человека из высших кругов, потерявшего отца, оставшегося без определенных доходов, пережившего трагедию репрессий во время восстания. Нестабильность политической жизни в стране, различного рода общественные катаклизмы, которыми были наполнены трудные 40-е годы, несложившиеся судьбы вчера еще благополучной семьи и

родного города были основанием для отразившихся в дневнике рефлексий. Пройдет всего лишь полгода, и автор добьется всего, что он называл в дневнике мифом и чего он в те дни боялся не добиться.

Записи от 2 сентября 1346 г. и примыкающие к ним фракийские письма отличаются от других византийских писем (в том числе и писем Димитрия Кидониса) сюжетной целостностью и меньшей долей иносказательности. Четыре письма из Фракии, не неся какой-либо новой информации, позволяют исследователю рельефнее представить внутренний мир образованного византийца и его ощущение эпохи.